

КТО БОИТСЯ ВАСИЛИСЫ ПРЕМУДРОЙ

— Что теперь нам делать? — говорили девушки. — Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к Бабе-Яге!

— Мне от булавок светло! — сказала та, что плела кружево. — Я не пойду!

— И я не пойду, — сказала та, что вязала чулок, — мне от спиц светло!

— Тебе за огнем идти, — закричали обе, — ступай к Бабе-Яге!

Совершенно дурацкое дело — объяснять, почему веретено, Василиса и какое это имеет отношение к названию «Я у себя одна» и женским группам, которые я уже довольно давно веду. Почему, к примеру, не «Коклюшки Кассандры» или «Наперсток Натальи»? Так и вижу пару-тройку ироничных коллег: «веретено», конечно же, фаллический символ, а Василиса — имя несколько двуполое, а все вместе — это, разумеется, зависть к пенису, как завещал дедушка Фрейд. Ребята, я вас все равно люблю и уважаю. Другие коллеги, исповедуя иные профессиональные верования, склонятся к идее женской инициации с символикой нити судьбы, ритуалом зимних посиделок; а то еще и этимологией имени Бабы-Яги побалуют. Вишь, то ли она просто-напросто «ягая», злая то есть, то ли русифицированная версия Бабай-Аги. И тоже хорошо. Объясняться — занятие неблагоприятное, ну его совсем. А дело было так.

Сказка про Василису — имеется в виду та, в которой девочка получает в наследство от умирающей матери волшебную куколку-помощницу и по приказу мачехи идет за огнем к Бабе-Яге — стоит в ряду «женских» сказок несколько особняком. Героиня вспоминается не кротостью, красотой, бесконечным терпением или тем, как она отказывается от себя во имя, сами понимаете, большой Любви — то есть не добродетелями «хороших девочек», а чем-то еще. За своим испытанием, за страшноватым, но

необходимым светом она идет в темный лес одна: ни далекий отец, ни проезжающие по другим дорогам добры молодцы ей не помощники, вся надежда на себя да на куколку. Решение и помощь находятся совсем не там, где их принято искать в «женских историях». Как сказали в одной группе: «Золушка едет в заколдованной карете, на ней все чужое, все иллюзия; Спящая Красавица вообще лежит себе и ждет принца, а Василисе ждать нечего, и она идет пешком. И хотя все кончается, как положено, свадьбой — путь другой, решение другое». Во многих женских группах как-то сама собой эта сказка оказывалась сказкой «про другое».

Например, про то, что наступает в жизни такой момент, когда гаснет свет, а идти за ним приходится далеко, в страшный темный лес, к Бабе-Яге. Или про то, что кому-то и «от булавок светло», но довольство этим булавочным светом — до поры. Или про то, что волшебная куколка и материнское благословение спасают и в черный час, только в жизни куколку порой приходится делать своими руками, а за благословением отправляться в нелегкое странствие, искать его трудно и настойчиво, когда — в туманной семейной истории, в родовой мифологической прапамяти, а когда и вовсе не в своей кровной семье. Или про то, что некоторые вещи никак, ну никак невозможно узнать раньше срока: есть такое знание, до которого еще дожить надо, а до того оно чужое и бесплодное. Или про ненадежную, в самый неподходящий момент поворачивающуюся спиной «фигуру отца», который, понятное дело, порой и не отец вовсе. Или про то, как страшит непонятное, не встречавшееся в предыдущей жизни — и как важно бывает все-таки в этот опыт войти...

У всякой сказки смыслов и тайн много. Да, есть несколько блестящих интерпретаций этой. К примеру, есть прелюбопытный анализ «Василисы» в «Бегущей с волками» Клариссы Пинколы Эстес. Пересказывать его не стоит, а от удовольствия процитировать не откажусь:

«Мы уже убедились, что оставаться слишком кроткой глупышкой опасно. Но, быть может, вы все еще сомневаетесь, быть может, вы думаете: «Господи, да кто же захочет быть такой, как Василиса?»

Вы захотите, уверяю вас. Вы захотите быть такой, как она, сделать то, что сделала она, и пройти по ее следам, ибо это путь, который позволит вам сохранить и развить свою душу»¹.

«Англизированная» версия самой сказки, конечно, отвлекает от сути — как вам нравится Баба-Яга, которая говорит Василисе: «Ну что же ты, милая!», — и вдобавок называется «колдуньей»? Мы-то знаем, как старуха изъясняется на самом деле...

Впрочем, это все пустяки: «подлинная история Василисы Премудрой» (по другим источникам — Прекрасной) вполне доступна и есть в любом мало-мальски приличном сборнике русских народных сказок, по соседству с «Пойди туда, не знаю куда» и «Финистом — Ясным Соколом». Сказка как сказка: в меру жестокая, в меру загадочная, со времен детского чтения полузабытая, перепутавшаяся в памяти с другими сказками... Важнее-то не это: она *работает*. И бывшая рыженькая девочка из подмосковного военного городка, дочка суровой матери и внучка нелюбящей бабки, разыгрывая с помощью группы «Василису», сделала для себя что-то очень важное. И печальная мама трех требовательных дочерей почему-то посветлела лицом, побывав Бабой-Ягой. (Между прочим, Бабу-Ягу в женских группах не очень-то и боятся, относятся к ней почтительно, но с юмором.) А вот еще: энергичная умница-журналистка почему-то вспомнила, как бабушка говорила ей много-много лет назад: мол, в молодости шустрая была, что твое веретено... Вот оно-то ей от бабушки и осталось, только внучке прясть некогда и незачем — надо самой вертеться.

А на некоторых группах Василиса почему-то не вспоминается, они сочиняют или помнят другие сказки «про другое». Вот одна: «Моя жизнь как кочан капусты. Листья смотрят наружу. Этот — к друзьям, этот — к детям, этот — к мужу, этот — к родителям, этот — к работе... Хорошие листья, успешная жизнь, но где же я сама, где кочерыжка? В эти два дня я хотела бы совершить поход за ней, хоть узнать про нее что-то». Вопрос из группы: «Это как изюминка?» — «Нет, изюминка — для других, а кочерыжка — это я и есть, та, которая у себя одна». (Конечно,

---

¹ Кларисса Пинкола Эстес. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. — К.: София, 2000.

кочерыжка тоже может быть проинтерпретирована по дедушке Фрейду... Если не смешно, дальше можно не читать.)

Кому как, а мне этот капустный образ — и многие другие, о которых расскажу в свое время, — ближе и симпатичней разговоров про «истинное Я» и «путь к себе». Хотя, конечно, речь идет именно о них. Но еще и о том, что готового рецепта нет: хоть ты сто раз становись перед зеркалом и говори «Я люблю и принимаю себя», хоть выучи наизусть все полезные «советы психолога» — свою нить можно спрясть только самой.

Кто же боится Василисы Премудрой? Да мы сами и боимся, что уж там. И есть чего испугаться: эта история, что называется, обязывает. Как минимум — к попытке посмотреть на свою жизнь и себя в ней иначе, чем привыкли.

«На какой-то миг Василиса пугается силы, которую несет, и ей хочется выбросить пылающий череп. [...] Это правда, я не стану вам лгать — легче избавиться от света и снова уснуть. Это правда — порой бывает трудно держать перед собой светильник из черепа. Ведь с ним мы четко видим себя и других со всех сторон — и уродливое, и божественное, и все промежуточные состояния. [...]

Плутая по лесу, Василиса, безусловно, думает о своей неродной семье, которая коварно послала ее на смерть, и хотя у девочки добрая душа, череп отнюдь не добр: его дело — быть зорким. Поэтому, когда она хочет бросить череп, мы понимаем, что она думает о той боли, которую причиняет знание некоторых вещей о себе, о других и о мире»¹.

...С веретеном в руках хорошо поется, вспоминается и думается, да и света, в общем-то, не надо — пальцы все и так чувствуют. И все-таки идти Василисе в темный лес к страшному костяному тыну — «как нам, чтобы понять свою жизнь, иногда приходится повернуться к чему-то тяжелому, страшному в ней». Это опять голос из группы. Пора поговорить и о ней.

---

¹ Кларисса Пинкола Эстес. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. — К.: София, 2000.

Своим голосом: женщины без мужчин

Я долго колебалась, прежде чем написать книгу о женщине. Тема эта вызывает раздражение, особенно у женщин; к тому же она не нова. Немало чернил пролито из-за феминистских распрей, сейчас они уже почти утихли — так и не будем об этом говорить. Между тем, говорить не перестали. И не похоже, чтобы многотомные глупости, выпущенные в свет с начала нынешнего века, что-нибудь существенно прояснили в этой проблеме. А в чем она, собственно, заключается? И есть ли вообще женщины? Конечно, теория вечной женственности имеет еще своих приверженцев. «Даже в России они все же остаются женщинами», — шепчут они.

Симона де Бовуар. Второй пол

У некоторых людей само упоминание о женских группах — да еще с девизом «Я у себя одна!» — вызывает странные фантазии: «Это вы что там, мужиков ругаете?» (Почему-то подразумевается, что иной темы для собравшихся вместе женщин не существует.) С другой стороны, в этом диком и, что важнее, фактически неверном предположении слышится дальний отзвук прокатившегося в 60—70-е годы по Америкам-Европам женского движения, в котором крупный кукиш (а то и кулак) в адрес угнетателей-мужчин и вправду был частью процесса. Все это уже вышло из мировой моды, сыграв свою роль в истории. Нынешнее время именуют «постфеминистским». Вот только кто? С порога третьего тысячелетия, да еще из России, где проблема не только не решается, но даже и не поставлена, все довольно странно. Впрочем, «группового бума» у нас тоже не было — и нет. Так что история женских групп «первого призыва» нам не указ, но знать ее все равно бесполезно. Знание, говорят, сила...

А именно: в давние времена — уже после открытия ДНК и спутника, но до СПИДа, всеобщей компьютерной грамот-

ности, даже до волны международного терроризма, а также до лайкры, Уотергейта, Мадонны и еще много до чего — жили-были неглупые и очень сильно приунывшие жены и матери. Жили они в хорошеньких пригородах, копались в хорошеньких садиках, забывали потихоньку то, чему их неизвестно зачем учили в колледжах, парковались у супермаркета и останавливались поболтать с соседками, поджидая содержавших их мужей с настоящей серьезной работы (в которой ничего не понимали) и играли в маджонг, чтобы скоротать время. Иногда волновались — это когда сын падал с велосипеда или от мужа пахло чужими духами.

Постепенно выяснялось, что если когда-то в свое время мужья обещали кое-что «в богатстве и бедности, здравии и болезни until death do us part», то это не следовало понимать буквально. Оказалось, что «мелкие домашние интересы» — вся эта прорва бесплатной работы на семью, круговерть, которой нет конца, — отупляют, съедают жизнь по капле... и презираемы миром «Настоящего Дела». Дети вырастают, а появившиеся на месте очаровательных пупсиков гадкие подростки просто невыносимы, когда матери вмешиваются в их жизнь.

А что еще могли делать эти женщины, чтобы сохранить иллюзию своей нужности? «Так что многие из них, доведенные до белого каления, пристрастились к валиуму и крепким напиткам, а некоторые присоединились к зарождающемуся женскому движению»¹.

Женские группы «подъема самосознания», «социального развития», «взаимной поддержки» составляли его неотъемлемую часть. Некоторые учили тому, что никогда не поздно вернуться в колледж и после двадцатилетнего перерыва получить новое образование, профессию, начать собственное дело. Некоторые ставили жесткие и неприятные вопросы: почему, например, «мужскими» бывают «решение» и «характер», а «женскими» — «штучки» и «болтовня»? Почему я киваю и поддакиваю даже тогда, когда это мне явно во вред? Почему позволяю считать свою тяжелую и ответственную работу по дому чем-то второстепенным и вспомогательным? Кто меня всему этому научил и в чьих интересах? Были группы, которые давали возможность

---

¹ Elizabeth Wertz. The bitch rules.

выплеснуть накопившиеся океаны горечи: там можно было жаловаться, кричать, проклинать ту самую счастливую жизнь, бессмысленность которой в полной мере могли понять другие женщины, разменявшие свои способности и надежды на медяки соответствия ожиданиям окружающих и иллюзию стабильности и безопасности.

Может, важнее было даже не то, что говорилось, а сама возможность быть *услышанными*, получить человеческий отклик на свои переживания без ярлыка «нервного срыва» и обвинений в том, что «с жиру бесишься». Оказалось, что женщины постоянно, с отроческих лет, ощущают себя *недоговаривающими* — это при стереотипе-то женской болтливости! То, что для них важно, в социуме важным не считается; их мнения, умения, ценности квалифицируются как пустяки, а из чувств существующими признаются только те, которые общественно полезны (скажем, «любовь к детям») или неудобны в обращении («истерика»). Образованные господа изволили шутить, что «женщина — это грудь, влагалище и депрессия». Образованным дамам и барышням при этом полагалось тонко улыбаться — вместо того, чтобы твердо посмотреть в глаза шутнику и серьезно сказать: «Знаешь, я не нахожу это смешным. Мне кажется, что женоненавистническое определение смешным быть не может. Ты действительно подразумевал именно это?». Ну что ж, шутки на то и шутки, чтобы совместить агрессию и соблюдение социальной нормы. (Про этот механизм блистательно рассказано все тем же дедушкой Фрейдом в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному».) Про агрессию понятно, кто же ее на себе не испытывал. Интересней про социальную норму: ей суждено было измениться, и сильно.

Долгое молчание чревато воплем ярости, каковой и прозвучал на весь западный мир. Если бы этим и ограничилось, все легко свелось бы к «выпусканию пара». Дело, однако, приняло другой оборот. «Ополоумевшие бабы» оказались более чем способны изъясняться на «языке колонизаторов» и за неполные двадцать лет явили миру десятки вдумчивых и корректных исследований по вопросам различий в языке, мышлении, коммуникации мужчин и женщин. Появились новые понятия — прежде всего понятие «гендера», отражающее социальные (а не био-

логические) отношения пола. Сама идея о том, что «женское» означает не «худшее, чем...», а «другое», начала пускать корни в массовом сознании именно тогда. Возможность говорить «своим голосом», «другим голосом», «на своем языке» — и *о том, что важно для меня*, кто бы что ни считал по этому поводу — вот нерв и подробнейшим образом разработанный тезис сотен публицистических статей, социологических опросов и больших академических монографий¹, повестей, эссе и стихотворений. В каком-то смысле все пишущие и читающие стали чем-то вроде огромной женской группы.

Где это сказано

Где это сказано,

*Что мужьям полагаются двадцатипятидолларовые ленчи
и приглашения на конференции и симпозиумы
в Южную Африку,*

*А женам полагается бобовый суп из жестянок и культпходы
с дошкольниками в местное пожарное депо,*

И где это сказано,

*Что мужьям полагаются встречи с очаровательными юристками,
и с прелестными преподавательницами древней истории,
и с обаятельными художницами, наследницами и поэтессами,*

А женам полагаются встречи с прыщавым кассиром в универсаме,

И где это сказано,

*Что мужьям по воскресеньям полагается послеобеденный сон
и футбольный матч по телевидению,*

*А женам полагаются цветные карандаши и картинки
для раскрашивания с детьми,*

И где это сказано,

*Что мужьям полагаются восторженные похвалы, моральная
поддержка и десять дней подряд горячий чай в постель
при первых признаках насморка,*

А женам полагаются заботы по обеспечению всего этого?

И если жена решит в конце концов,

---

¹ См., например, классическую философскую работу этого направления «Второй пол» Симоны де Бовуар или, для контраста, популярный обзор научных исследований Деборы Таннен «Ты меня не понимаешь».

*Что пускай муж сам возит ботинки в починку, детей к врачу
и собаку к ветеринару, а она тем временем будет изучать,
допустим, нейрохирургию или трансцендентальную
философию,
То где это сказано,
Что она всегда должна чувствовать себя
Виноватой?*

Джудит Виорст, 1968

Это стихотворение было опубликовано на русском языке примерно в середине 1970-х — кажется, в журнале «Америка». Тогда оно воспринималось совершенно иначе: стоя в километровой очереди, допустим, за туалетной бумагой, довольно трудно представить себе как проблему «встречи с прыщавым кассиром в универсаме». Кто бы мог подумать, что тридцать лет спустя молодые женщины в России будут наступать на те же грабли? Кстати, с более поздними работами Джудит Виорст (которая начинала с колонок в женских журналах, а потом в далеко не юном возрасте и вправду стала психоаналитиком, а после вновь вернулась в литературу и продолжает писать на границе жанров) мы еще встретимся.

Конечно, женское движение было в гораздо большей степени политическим и экономическим, чем... как бы это выразить-ся... «душевным». Неудивительно, что психология, социология и конъюнктурный политический расчет быстро перепутались; те высказывания и формы поведения, для которых вчера нужно было обладать немалой решительностью или хотя бы наплевательским отношением к общественному мнению, очень быстро стали его воплощением. Нормой то есть. И тоже уже не вчера. Вот голос из восьмидесятых: «Лет двадцать назад молодые люди водили своих девушек не в театр или ресторан, а на антивоенные манифестации. Теперь они нашептывают им на ухо, что будут помогать им по дому, а вместо чайных роз на длинных стеблях посылают в подарок подписку на газетку “Слезайте с нашей шеи”»¹.

Дело это — для западной культуры — прошлое, «women's studies» там свое сказали и успели даже несколько надоесть.

---

¹ Сьюзен Конант. Пес, который говорил правду. (Это «собачий» детектив, действие которого происходит в Гарварде).

«Эти женские симпозиумы, на которых собирались одни женщины, говорили только о женщинах, читали от лица женщин тексты, написанные женщинами...» — звучит устало, без малейшего интереса, а то и ядовито. Они — эти симпозиумы, конференции, да и женские группы — просто-напросто сделали свою работу.

Иногда мне приходит в голову шаловливая «конспирологическая» фантазия: а что, если все вообще было не так? Просто нужно было вывести женщин на трудовой рынок. Если во время войны так можно было сделать «за идею», то в относительно благополучное время они должны были захотеть этого сами. Значит, следовало сыграть на неудовлетворенности своей ролью, а это сделать нетрудно. Неудовлетворенность-то была, но подыграть ей в государственных интересах — какая интрига! И наивные отважные тетки, подстрекаемые агентами-провокаторами, искренне протестуют против образа жизни домохозяек среднего класса, валом валят получать второе высшее образование и уж теперь-то «реализовать свой потенциал». Что означает: отныне она не строит из себя дурочку и сама оплачивает счета. А если в этом новом порядке ей что-то не нравится — что ж, такова плата за равные права, которых она (а на самом деле ее мама, время-то идет) сама добивалась.

Что-то в этом роде приходит в голову, когда радио в машине в очередной раз рассказывает, как женщины неправильно ведут себя на дороге (наши женщины на нашей же дороге, конечно). «Им управление транспортным средством доверили, они права и машинку эту у мужа выпрашивали, так вели бы себя соответственно!». Ну, кто-то, возможно, и выпрашивал. А кто-то горбом зарабатывал на «эту машинку», в глубине души считая право ее водить честью, привилегией, подтверждением того, что мы «не хуже». А ведь водить машину — это работа, притом тяжелая. Утром в офис, потом свозить ребенка «на спорт», заехать за продуктами, заправиться, забрать дитяtko и успеть домой до того, как во дворе уже не припаркуешься, — сплошь обязанности, сплошь маленькие городские проблемы. Символическое «разрешение» делать то же, что мужчины, кажется завоеванием — и к черту расходы, нервы и потерянное в пробках время! Как, однако, легко нас «припахивать», играя на страстном желании доказать, что мы «не хуже»...

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ, ИЛИ ПРОСТО ВОЗМОЖНОСТЬ СКАЗАТЬ «СПАСИБО»	5
ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ АВТОРА	7
КТО БОИТСЯ ВАСИЛИСЫ ПРЕМУДРОЙ	18
КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ	60
ШЛЯПКА, САЛАТ И СКАНДАЛ	76
ГОРЕ УМУ, ИЛИ НЕВИДИМ У БАБ УМ – И ДИВЕН	102
ТЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА	138
ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ	168
ПРО ЭТО, ДА НЕ ПРО ТО	209
БАБУШКИН СУНДУК	232
МАТУШКА, МАТУШКА, ЧТО ВО ПОЛЕ ПЫЛЬНО?	273
ОСЕНЬ – ОНА НЕ СПРОСИТ	308
«ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ-2»: ЧТО МЫ НЕ ХОТИМ ЗНАТЬ О МЕНОПАУЗЕ... НО ВСЕ РАВНО УЗНАЕМ	329
НАД ПРОПИСЬЮ ПО ЛЖИ	341
РАЗЛУКА ТЫ, РАЗЛУКА	360
МЫ ДЛИННОЙ ВЕРЕНИЦЕЙ ПОЙДЕМ ЗА СИНЕЙ ПТИЦЕЙ	388
ПОСТСКРИПТУМ: ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ СТРАШИЛКА	410